

Как только огромный, роскошный дом погружался в тишину, одиночество становилось почти осязаемым, оно выползло из тёмных углов, обволакивало, вползло в лёгкие, не давая вздохнуть. Всё это великолепие - дизайнерская мебель, хрустальные люстры, мраморные полы - было лишь декорацией, за которой пряталась пустота. Хэ Ян сидел на диване и мягкой тканью стирал пыль с фоторамки. Этот свадебный снимок сделали в день, когда они только получили свидетельство о браке, в одном из тех дорогих салонов, куда простым смертным вход заказан. На фотографии они оба сияли, рука Лу Тинфэна лежала на талии Хэ Яна, а тот, застенчиво улыбаясь, прильнул головой к его широкому плечу. Идеальная картинка. Идеальная ложь.

Хэ Ян до сих пор помнил тот день до мелочей: в гримёрной, залитой светом софитов, он, переполненный счастьем до краёв, схватил Лу Тинфэна за руку и выпалил:

— Господин Лу, в будущем прошу любить и жаловать!

Лу Тинфэн тогда с нежностью потрепал его по мягким волосам — жест, от которого у Хэ Яна подгибались колени:

— Господин Хэ, прошу любить и жаловать.

— Мы всегда будем так же счастливы, правда? — спросил он, заглядывая в глаза любимому.

— Угу. Всегда.

Тогда он был настолько ослеплён любовью, что даже не заметил лёгкого нетерпения, мелькнувшего в тот момент на лице Лу Тинфэна. Сейчас, глядя на фотографию, он видел то, что тогда упустил: в глазах Лу Тинфэна не было той же бесконечной любви, которой пылало его собственное сердце. Там была только снисходительность. И, пожалуй, лёгкое нетерпение.

Если бы между ними просто образовалась трещина, пусть глубокая, пусть почти непреодолимая, её, возможно, ещё можно было бы попытаться заделать. Временем. Терпением. Этой маленькой жизнью внутри. Но что делать, если любовница сама является на порог?

Звонок в дверь прозвучал резко, требовательно, и Хэ Ян вздрогнул, поставил рамку на журнальный столик и торопливо побежал открывать. Распахнул дверь и замер.

Картина, открывшаяся ему, была достойна дешёвой мыльной оперы: его муж, пьяный в стельку, почти без сознания, висел на плече у женщины, и от него разило перегаром, смешанным с приторным, сладковатым ароматом её духов — ландыши и что-то ещё, неуловимо хищное, отчего к горлу Хэ Яна мгновенно подкатила тошнота. И этой женщиной была не кто иная, как Чжао Либин, та самая звезда, чьё лицо не сходило с обложек глянцевого журнала вот уже полгода. Вблизи она казалась ещё более ослепительной и ещё более... фальшивой. От её кожи, гладкой и безупречной, пахло дорогой пудрой и чем-то ещё, от чего у Хэ Яна заныло под ложечкой, — запахом чужой, враждебной женщины, посягнувшей на его территорию.

Чжао Либин выглядела так, будто сошла с обложки и специально для этого вечера. Чёрное кружевное платье облегло каждую линию её безупречной фигуры. Тёмно-карамельные волосы крупными локонами спадали на обнажённые плечи. Глаза, подведённые дымчатыми тенями, казались бездонными. Губы тронула лёгкая улыбка, когда она перевела взгляд с Хэ Яна куда-то вглубь дома, оценивая, прикидывая, примеряя на себя роль хозяйки.

— Извините, — проворковала она, и голос её сочился приторной вежливостью, — Тинфэн перебрал с алкоголем. Я подвезла его по пути. Скажите, в какой он комнате?

Хэ Ян смотрел на её тонкую руку, которая собственнически, почти интимно лежала на талии его мужа и чувствовал, как внутри закипает холодная, тяжёлая ярость. Эта рука была там, где должна была быть его рука.

Эта сцена была до жути похожа на те нелепые клише из сериалов, где любовница с торжествующим видом является на порог к законной жене. И законная жена в таких сценах всегда оказывается ничтожеством, которое топчут и унижают. Но Хэ Ян не был ничтожеством, и он не собирался играть эту роль.

Он шагнул вперёд, резким движением оттолкнул Чжао Либин, подхватил тяжело дышащего, совершенно бесчувственного Лу Тинфэна и злобно сверкнул глазами в её сторону:

— Это мой муж. Не стоит утруждаться.

Чжао Либин отступила на шаг, но с лица её не сошла эта снисходительная улыбка. Она сложила руки на груди и прислонилась к дверному косяку, явно намереваясь продолжить спектакль.

Хэ Ян, пошатываясь под тяжестью тела, кое-как дополз до дивана и бережно уложил Лу Тинфэна на мягкие подушки, тот даже не пошевелился, только что-то пробормотал во сне и повернул голову набок. Выпрямившись и переведя дух, он обернулся, намереваясь закрыть дверь, и обнаружил, что Чжао Либин, нисколько не смущаясь, уже переступила порог и теперь, цокая шпильками по паркету, прогуливалась по гостиной, с интересом разглядывая обстановку. Звук разносился по пустому дому гулким, вызывающим эхом. Атмосфера накалилась до предела, звенела в воздухе невидимым напряжением.

Хэ Ян уже не раз видел в таблоидах и интернет-журналах сплетни о них с Чжао Либин. Писали, что они пара, что их роман длится уже больше года. Некоторые даже «сливали» информацию, что Лу Тинфэн сделал ей предложение. Всё расписывали так живо, будто своими глазами видели, смаковали детали, обсуждали, какая они красивая пара.

Хэ Ян тогда спросил у Лу Тинфэна прямо: это правда? Ты встречаешься с Чжао Либин?

Лу Тинфэн ответил коротко: «Нет», — и Хэ Ян выбрал верить, потому что не верить было невозможно — тогда рушилось всё.

Но сейчас, глядя на торжествующую наглость в её глазах, на эту самодовольную улыбку, на то, как она бесцеремонно разгуливает по его дому, он понял, что, возможно, был слишком доверчив.

— Ты так враждебно настроен, — протянула Чжао Либин, останавливаясь у книжного шкафа и проводя пальцем по корешкам книг. — Похоже, ты читаешь жёлтую прессу.

Мало того что читал, Хэ Ян даже распечатывал её фотографии и, давая волю бессильной ярости, разрезал их ножницами в мелкие клочья, но об этом она знать не обязана.

— Здесь тебе не рады, — сказал он ровно, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Убирайся.

Чжао Либин медленно обернулась, и улыбка на её лице стала шире. Она поняла: маски можно сбросить.

— Ой, да брось, — она сделала несколько шагов к нему, покачивая бёдрами. — Неужели ты правда думаешь, что у тебя есть шанс? Человек, которого любит твой муж, — это я. А ты... — она окинула его презрительным взглядом с головы до ног, — ты всего лишь бесплодный мужик, который даже ребёнка родить не может. Какая от тебя польза?

Слова упали в тишину, как камни в глубокий колодец. Хэ Ян смотрел на неё и чувствовал, как внутри него что-то переворачивается. Страх, который он носил в себе все эти дни, страх за эту маленькую жизнь, за своё тело, за будущее вдруг трансформировался во что-то другое. В холодную, собранную решимость.

— Ну и что с того? — спросил он тихо, но отчётливо. — Даже если он меня не любит — я его законный супруг. У меня есть свидетельство о браке. Я — госпожа из дома Лу. А ты? — он сделал паузу, давая словам вес. — Что толку в вашей «любви»? Ты всего лишь любовница. Та, кому вечно придётся прятаться от света.

Последние два слова он выделит особенно, вложив в них всю свою боль и всю свою ненависть.

— Ты!.. — лицо Чжао Либин вспыхнуло гневом, но она быстро взяла себя в руки.

Слишком быстро. Видно, опытная в таких перепалках. Она шагнула ближе, глаза её сузились:

— Ну и что? Меня не волнует, женат он или нет. Меня волнует только одно: любит ли он меня. Его любовь — у меня. Его деньги он тратит на меня. А ты? Что толку цепляться за пустой титул? Что ты с ним будешь делать, с этим титулом? Греться ночами, когда он не приходит?

— Хлоп!

Пощёчина прозвучала неожиданно громко в тишине гостиной — резкий, хлёсткий звук, эхом разнёсшийся по пустому дому. Голова Чжао Либин мотнулась в сторону, она замерла, прижимая ладонь к горячей щеке, и в глазах её плескалось неверие пополам с яростью. Хэ Ян почувствовал, как от удара загорелась его собственная ладонь огнём, который странным образом принёс ему мрачное, горькое удовлетворение. «Вот так. Получай. За каждое слово. За каждый взгляд. За то, что посмела прийти в мой дом».

— Ты... ты посмел меня ударить?

Хэ Ян медленно, демонстративно вытер руку влажной салфеткой, которую достал из кармана, словно только что испачкался обо что-то грязное. Посмотрел на неё лениво, искоса.

— Ты без моего разрешения ворвалась в мой дом, — сказал он спокойно, будто обсуждал погоду. — Это называется незаконное проникновение. А потом осмеливаешься разговаривать со мной тоном победившей любовницы. Кого же мне бить, как не тебя?

Он шагнул к ней, и Чжао Либин невольно отступила.

— Мисс Чжао, — голос его был тих, но в нём звенела сталь, — вам стоит всегда помнить: вы звезда. Вам нужно следить за своими словами. А то не дай бог кто-нибудь случайно снимет ваше отвратительное поведение на камеру — себе же дороже выйдет. Представляете заголовки? «Звезда Чжао Либин врывается в чужой дом и оскорбляет законную супругу». Ваши поклонники будут в восторге.

Чжао Либин смотрела на него, и в глазах её медленно разгоралось бешенство, какое бывает у хищника, которого укусила жертва. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Резко развернулась и, громко цокая каблуками по мраморному полу, вылетела вон, напоследок с силой хлопнув дверью так, что задрожали стёкла в серванте. Звук этот, резкий и вызывающий, казалось, ещё долго звенел в воздухе, пока не затих.

Тишина обрушилась на Хэ Яна, как тяжёлая, неподъёмная плита. Он стоял посреди гостиной и чувствовал, как дрожат колени, а сердце колотится где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Эта маленькая победа высосала из него все силы до капли, оставив только звенящую пустоту внутри. Он перевёл взгляд на Лу Тинфэна, тот спал, безмятежный, красивый, совершенно не подозревая о том, какой ад только что развернулся в его доме.

Отношения, которые Хэ Ян так отчаянно пытался сохранить, сейчас казались ему похожими на хождение по тонкому льду: в любую секунду можно провалиться в ледяную чёрную воду.

Он подошёл к дивану, посмотрел на спящего мужа сверху вниз. Лу Тинфэн был высоким, почти метр девяносто, тяжелее, чем казался на первый взгляд, и Хэ Ян физически не смог бы дотащить его до второго этажа, даже без учёта той маленькой ноши, что теперь жила у него внутри. Поэтому он просто опустился на колени, снял с него туфли и носки, укрыл пледом прямо на диване. Сходил в ванную, принёс таз с тёплой водой и, снова опустившись на колени, принялся заботливо, почти благоговейно обтирать ему лицо, шею, руки. Вода мягко пахла

лавандовым мылом, и Хэ Ян, смывая с его кожи этот проклятый, приторный аромат ландышей, чувствовал, как внутри что-то медленно отпускает. «Ты мой. Сейчас ты только мой. И никто не может у меня тебя отнять».

Лу Тинфэн во сне что-то бормотал, хмурился, словно видел кошмар, но так и не проснулся. Закончив, Хэ Ян сел на пол, положил подбородок на сгиб локтя, устроившись на краю дивана, и просто смотрел на него, на этого красивого, холодного, чужого человека, который даже во сне не принадлежал ему до конца.

До чего же он был красив...Хэ Ян до сих пор помнил ту первую встречу, как у него перехватило дыхание, когда Лу Тинфэн вошёл в комнату. Его красота показалась тогда неземной, невозможной для простого смертного. Кожа у него была от природы светлая, с холодным, фарфоровым оттенком. Глаза — удлинённые, с изящным разрезом, отчего взгляд всегда казался величественным и чуточку надменным. Черты лица словно вырезаны ножом чётко, филигранно, и при этом ему было всего двадцать четыре, и в этой строгой красоте угадывалась юношеская, почти детская мягкость. Особенно Хэ Яну нравились его губы — пухлые, розовые, капризно изогнутые, и улыбка: если Лу Тинфэн не улыбался, он казался холодным аристократом, но стоило ему улыбнуться, и он становился невероятно милым, почти домашним.

Он осторожно протянул руку, коснулся пальцами его щеки, провёл по линии скулы, замер на губах. И сам не заметил, как по щекам потекли слёзы.

Утром Лу Тинфэна разбудил запах еды. Голова раскалывалась, во рту было сухо и горько, и он с трудом сел на диване, потёр переносицу, пытаясь прийти в себя, и рассеянно оглядел комнату. Похоже, вчера кто-то приволок его домой. Кто именно, он не помнил.

Краем глаза скользнул по кухне и заметил там худую фигуру в фартуке с дурацкими кроликами. Хэ Ян возился у плиты, закладывая в кипящую воду пельмени. Со спины он казался совсем худым — тонкая талия, длинные ноги, острые лопатки выступали под ткань домашней футболки. Когда он двигался, лопатки шевелились, становясь похожими на крылья бабочки, готовой вспорхнуть.

Красиво, спору нет, но за этой красивой оболочкой скрывался клубок интриг и холодного расчёта. При этой мысли брови Лу Тинфэна сдвинулись к переносице.

— Проснулся? — Хэ Ян обернулся, и лицо его осветилось улыбкой. Глаза превратились в тонкие лучики — он улыбался так, словно ночью ничего не случилось, словно эта женщина не переступала порог их дома, не называла его бесплодным, не смеялась ему в лицо. — Иди умойся быстрее, я сварил твои любимые пельмени с креветками.

Лу Тинфэн молча поднялся и поплёлся в ванную. Умывшись и переодевшись в спортивный костюм, он спустился вниз, сел за стол и с чистой совестью принялся за пельмени. Хэ Ян умел готовить, это он признавал. Единственное, что признавал в нём искренне, без оговорок.

— Вчера... тебя привезла Чжао Либин, — тихо сказал Хэ Ян, садясь напротив, и ложка замерла на полпути. Лу Тинфэн поднял глаза, посмотрел прямо на него.

— Ты хочешь спросить о чём-то конкретном?

— Я просто хочу знать, — Хэ Ян говорил спокойно, глядя в глаза, но пальцы его судорожно комкали край фартука под столом, — изменил ли мне мой муж. Лу Тинфэн, ты мне изменял?

Повисла пауза, секунда, другая, и Хэ Яну показалось, что время остановилось.

— Нет, — ответил Лу Тинфэн коротко и снова принялся за еду. — Тебя устраивает такой ответ? Наш брак трудно назвать браком по любви, но элементарные нормы морали я соблюдаю. — Он поднял глаза, усмехнулся краем губ. — Хэ Ян, ты боишься?

Он знал, конечно, знал, что Хэ Ян любит его до умопомрачения, до потери себя, знал, что с самого первого дня их брака взгляд Хэ Яна всегда прикован к нему, что каждый вечер его ждёт ужин, что в окне всегда горит свет — свет, который он не просил и который ему не нужен. Хэ Ян и не думал отрицать.

— Да, боюсь, — сказал он просто. И добавил, собрав всю волю в кулак: — У нас ещё есть этот месяц. Я её ненавижу. Могу я попросить, чтобы в этот месяц я не видел ваших с ней сплетен?

Он смотрел на мужа своими большими, чистыми глазами, что с первого дня сводили его с ума своей невинностью. Лу Тинфэн отложил ложку, откинулся на спинку стула и посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты тогда использовал свои гнусные приёмы, чтобы мой дед заставил меня жениться на тебе, — сказал он медленно, чеканя каждое слово. — Меня тоже тошнило. И до сих пор тошнит. Так что, Хэ Ян, у тебя нет никакого права выдвигать мне условия.

Он наклонился вперёд, и голос его стал тише, но от этого не менее жестоким.

— Ты не достоин.

Три слова. Коротких. Точных. Смертельных.

Хэ Ян ощутил, как сердце сжалось в тугой, болезненный комок, кровь на миг застыла в груди, а потом хлынула рекой, заливая всё внутри горячей, пульсирующей болью. Казалось, эти три слова пронзили его насквозь, как отравленные стрелы, оставляя за собой кровоточащие, незаживающие раны. Он даже дышать перестал на секунду, чувствуя, как в глазах предательски щиплет, а к горлу подступает тугой, колющий комок.

— Я... — голос его дрогнул, но он заставил себя договорить, — я не делал этого. Чего я не делал — того не признаю. Но ты никогда мне не верил.

— О? — Лу Тинфэн усмехнулся, но глаза его оставались холодными. — Правда? А как насчёт пяти миллионов, которые ты взял у моего деда? Может, объяснишь?

Хэ Ян замер. Пять миллионов? Он открыл рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле.

<http://bllate.org/book/16098/1503629>